
П. А. Сафронов

Статья поступила
в редакцию в июле
2010 г.

«ЧУТКО ОТРАЗИТЬ ВСЕ ТРЕБОВАНИЯ РЕВОЛЮЦИИ»: СОВЕТСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ в 1920–1930-е годы

Аннотация

Формирование советской университетской системы рассматривается с точки зрения поддерживавших и воспроизводивших ее языковых практик. Утверждается, что ядром данных практик являлся военно-мобилизационный и плановый дискурс, который обнаруживает значительную устойчивость на всем протяжении 1920-х и 1930-х годов. Широко используются неопубликованные материалы Архива МГУ и печатные издания того времени.

Ключевые слова: система высшего образования, советский университет, коммуникативные стратегии, языковые практики, мобилизационный дискурс.

Советский университет как проблема

Проблему университета нельзя смешивать с университетскими проблемами. Если последние связаны с постановкой научно-образовательного дела, то первая предполагает ответ на вопрос о том, что такое университет. Поскольку университетская традиция в Россию была импортирована, этот вопрос требует раскрытия условий *перевода* университета в России, условий (вос)производства речи об университете в конкретных исторических обстоятельствах. Развитие университетов на территории бывшей Российской империи после октября 1917 г. может быть тогда представлено посредством реконструкции множества гетерогенных языковых практик и соответствующих им стратегий социального действия. Исходной посылкой настоящего исследования является тезис о том, что среди данного множества выделяются элементы, обладающие особой «гравитационной силой» и сгущающие вокруг себя остальные. В такой перспективе процесс советизации университета мыслится как постепенная кристаллизация некоторого числа доминирующих способов словоупотребления, которые, отсылая к определенному видению будущего, одновременно это будущее программируют и воплощают.

Отдельного обсуждения, безусловно, заслуживает соотношение коммуникативных стратегий советского и дореволюционного университета. Следует равно воздерживаться и от радикального

отрицания какой бы то ни было преемственности между ними, и от нарочитого ее подчеркивания. Очевидное сходство имперского университета и университета второй половины 1930-х годов в организации научно-образовательного процесса не должно затушевывать колоссальных изменений в (само)сознании представителей высшей школы. Решающее значение здесь имеет глубокое внедрение понимания научной и педагогической деятельности в военно-мобилизационных и плановых терминах. Именно в этом пункте, на наш взгляд, обнаруживается «точка сборки» тех языковых практик и социальных стратегий, сцепление которых позволяет реконструировать особый дискурс советского университета.

Дискурс советского университета во многом строился за счет исключения способов описания, заведомо не соответствующих мобилизационной логике. Такая логика естественным образом входила в противоречие с требованиями индивидуалистического интеллектуализма и основанной на нем репрезентации университета как автономного сообщества профессионалов в тех или иных областях знания. Более того, профессиональные занятия наукой и статус профессионализма вообще в реальности советского университета оказались под подозрением. Это, в свою очередь, лишило академическое сообщество и общественное мнение устойчивого иммунитета по отношению к многочисленным успешным попыткам мимикрии лженаучных проектов под респектабельные научные занятия.

Стабилизация практик (само)описания советского университета была синхронизирована с демаркацией допустимых и недопустимых стратегий социального поведения в академии. Использование определенных коммуникативных кодов становилось не только знаком политической благонадежности, но и единственным окном доступа к собственно научным и учебным занятиям. Иными словами, советский университет функционировал как своего рода коммуникативная машина, сопрягающая производство текстов о науке и образовании с «непосредственной» научно-образовательной деятельностью за счет планомерного стирания отчетливого различия между ними. Соответственно, академическая деятельность, не желающая стилизовать себя в рамках определенного речевого канона¹, тем самым отбрасывалась за пределы допустимого и порицалась.

События Октябрьской революции и последовавшей гражданской войны слабо отразились на университетах бывшей Российской империи. Их автономия поначалу не претерпела сокращений, а в некоторых отношениях — как, например, в случае выбора новых профессоров — даже оказалась расширена по сравнению со старым порядком [Новиков, 2009. С. 84 и далее]². Вплоть

Революция и академия

¹ О проблематике канона на материале искусства сталинской эпохи см. [Добренко, 2007].

² М. М. Новиков возглавлял Московский университет в 1919–1920 гг.

до осени 1920 г. руководству университетов удавалось в значительной мере сохранять сложившуюся систему управления, которую не смогло поколебать даже осуществленное весной 1920 г. по инициативе Наркомата просвещения введение в административные органы представителей студентов и служащих³. Идя подчас на серьезные уступки организационного характера (создание рабфаков, возникновение «кафедр социализма» и т.п.), университетская профессура до определенного момента была весьма успешна в поддержании своего рода молчаливого компромисса с властью, не готовой немедленно приступить к коренному преобразованию образовательной системы [Чанбарисов, 1988. С. 37, 68 и далее]. Разумеется, такой терпимости существовали определенные идеологические пределы: если в области естествознания «крупному ученому можно дать кафедру, даже если он белогвардеец», то в области общественных наук «белогвардейские» настроения следовало неустанно «разоблачать» [Покровский, 1967. С. 477]⁴.

Борьба за советские науку/образование и борьба с наукой/образованием антисоветскими переплетены здесь теснейшим образом. Зависимость от «буржуазных» специалистов делала все более насущным «вопрос о создании новых работников, способных чутко отразить все требования революции»⁵. А это уже могло служить основанием для выработки государственной образовательной политики, контуры которой первый народный комиссар просвещения А. В. Луначарский очерчивал следующим образом:

Совершенно ясно, что с точки зрения революции, которой нужны совершенно преданные специалисты, их легче всего почерпнуть из рабочей среды, и мы должны позаботиться о пролетаризации высшей школы. А из этого надо делать выводы: под

³ Как это происходило на практике, хорошо видно из воспоминаний очевидца событий в Казанском университете: «Обострению конфликта [студентов и профессоров. — П.С.] способствовало введение в 1920 г. студентов-пролетариев во все органы университетского управления. Большинство профессоров возражали против этого, полагая, что «яйца курицу не учат» и студентам нечего делать на заседаниях ученого совета. Лишенные легальных методов борьбы, они избрали тактику бойкота. Бывало, что члены совета собирались на его заседание часа за два до назначенного срока, решали все вопросы, а при появлении студентов ректор провозглашал: «Прошу садиться, господа». И, сделав паузу, добавлял: «Благодарю вас. Заседание прошу считать закрытым»». Цит. по: [Вишленкова, Малышева, Сальникова, 2005. С. 134]. См. также воспоминания ректора Саратовского университета в 1918–1921 гг. В.Д. Зернова [Зернов, 2005. С. 217 и далее].

⁴ М.Н. Покровский, в 1918–1932 гг. заместитель наркома просвещения РСФСР, об Академическом центре Наркомата просвещения. Не позднее февраля 1921 г.

⁵ Доклад Ф.Н. Петрова, в 1923–1927 гг. руководителя Главного управления научных, музейных, научно-художественных учреждений (Главнауки) Наркомата просвещения РСФСР, на I Всероссийском съезде научных работников о перспективах деятельности Главнауки. 27.11.1923 г. (цит. по: Организация науки в первые годы советской власти (1917–1925): сб. докл. Л., 1968. С. 49).

пролетаризацией средней и высшей школы надо понимать повышение процентного соотношения пролетариата и снижение всех прочих [Луначарский, 1976. С. 214–215].

Перед высшими учебными заведениями, таким образом, ставилась задача формирования новой интеллигенции⁶, выходящая за рамки образовательного процесса. «Новый работник» в процессе получения образования должен был стать еще и «новым человеком».

Университет из научно-педагогического предприятия ускоренно трансформировался в предприятие антропологическое. Отныне он должен был не просто производить специалистов, располагающих достаточным объемом современных знаний, но также производить «новых людей». Трансформация человеческого материала в советской высшей школе носила всеобъемлющий характер, затрагивала не только учащихся, но и учащихся:

Мы хотим раскрепостить педагога и вернуть его к той роли, к которой он призван, именно производить людей, и при этом не индивидуалистов, а людей, которые были бы элементом человеческой справедливости. Вот это является для нас задачей идеальной школы [Там же. С. 28]⁷.

В конечном счете в рамках создаваемой антропологической перспективы подлежал построению заново «университет как таковой» [Там же. С. 91]⁸, возникала амбициозная цель «изобретения» советского университета. «Производство» советского вуза потребовало переопределения характеристик того знания, которое получается и преподается в университете. Вопрос о советском университете неотделим от вопроса о характере советской науки.

Рожденное из духа революции знание должно быть, во-первых, сблизено «с запросами социалистического строительства» и, во-вторых, «доступно массам»⁹. Два этих требования на первый

**Тотальная
мобилизация
как риторический
прием**

⁶ О том, какими сложностями сопровождался в реальности этот процесс, см., например, [Беренд, 2002. С. 166–197].

⁷ Речь А.В. Луначарского на I Всероссийском съезде по просвещению. Август 1918 г. Здесь перед нами типичный образец wishful thinking, тем более убедительный, что его осуществление вовсе не связано с наличием доступными возможностями в определенный момент времени. Напротив, возможности эти поначалу были весьма ограничены: «Анатолий Васильевич [Луначарский] обещал помочь [с материальными затруднениями Саратовского университета. — П.С.], но ничего из его обещаний не вышло. По-видимому, он и не мог помочь в те времена, тем более что его интересы были направлены главным образом в сторону искусства» [Зернов, 2005. С. 235].

⁸ Доклад на III сессии ВЦИК VII созыва. Июль 1923 г.

⁹ Доклад Ф.Н. Петрова на I Всероссийском съезде научных работников о перспективах деятельности Главнауки. 27.11. 1923 г. (цит. по: Организация науки в первые годы советской власти. С. 47, 49).

взгляд не столько дополняют, сколько отменяют друг друга. В самом деле, разве может быть сложное, высокоспециализированное научное знание достоянием масс? Снять противоречие возможно, если предположить, что основной задачей «социалистического строительства» было отнюдь не получение какого-то реального, вещественного результата [Добренко, 2007], а производство новой «формы жизни» — коллектива [Хархордин, 2002. С. 99–103 и далее]. Подчиняясь в данном случае действию общих закономерностей функционирования советской реальности, научное знание, однако, само по себе при этом неизбежно оказывалось под подозрением, поскольку таило в себе потенциальную угрозу опасного для «социалистического строительства» использования:

Необходимо повышать классовую бдительность, чтобы выявить классово-чуждые элементы, проникшие в высшие учебные заведения для получения возможности путем получения знаний вредить Советскому Союзу¹⁰.

Можно предположить, что угроза, исходящая от научного знания, связана с не до конца устраненной тенденцией к его «приватизации», употреблению в личных целях, чем как раз и пользуются потенциальные «враги». Собственно, врагом рискует стать каждый, кто решается провести различие между «теорией» (для себя) и «практикой» (для коллектива). К определению советского университета как антропологического предприятия следует добавить, что это предприятие обладает также и политической составляющей. Советский университет существует в режиме постоянной мобилизации на сопротивление неопределенному множеству врагов:

...Коллектив университета по первому призыву партии и правительства сменит работу в лабораториях, кабинетах, кафедрах на боевую обстановку, а книгу на винтовку¹¹.

Риторика мобилизации способствовала порождению милитаризованных описаний научно-образовательной деятельности в целом, в соответствии с которыми деятели науки и образования превращаются в «единую армию, борющуюся за завоевания нашей новой коммунистической культуры»¹². Формирование из ученых и педагогов «единой армии» одновременно решает и задачу массовизации науки, которая автоматически перестает

¹⁰ Приказ № 75 по МГУ им. М.Н. Покровского от 16.04.1933 г. (Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Ед. хр. 13. Л. 177). Роль взаимного надзора в генеалогии (пост)советской личности блестяще показана в цитированном выше исследовании О.В. Хархордина [Хархордин, 2002. С. 123 и далее].

¹¹ За комуністичні кадри, 11 ноября 1939 г. / Киевский университет. Документы и материалы. 1834–1984. К., 1984. С. 100 (пер. с укр. автора).

¹² Доклад Ф.Н. Петрова на I Всероссийском съезде научных работников о перспективах деятельности Главнауки. 27.11. 1923 г. (цит. по: Организация науки в первые годы советской власти. С. 51).

быть делом гордых одиночек¹³. Тем самым фактически дискредитируется основополагающая для западной науки идея персонального, авторского вклада. В советской науке нет авторов, есть функционально-тактические подразделения, получающие планы и изготавливающие отчеты. Ценность каждого «бойца» такой научно-образовательной армии уже не может определяться в соответствии со стандартными критериями научной продуктивности. Да и вообще, лучше не останавливать внимание на отдельных «бойцах», поскольку каждый — от студента до академика — может оказаться врагом, но общее дело не пострадает от измены отдельного человека¹⁴.

Редакционная статья «Правды», посвященная выборам в Академию наук СССР, проходившим в конце января 1939 г.¹⁵, так описывала влияние произошедших изменений на критерии оценки научной продуктивности ученых:

Ни почтенные годы, ни объем печатных трудов, ни многолетнее сидение в лаборатории сами по себе не дают права на вход в высшее

¹³ В первые годы советской власти развитие университетской реформы проходило под лозунгом «тройной демократизации», который М.Н. Покровский формулировал следующим образом: «1) демократизировать науку, ныне составляющую монополию небольшой кучки дипломированных ученых; 2) демократизировать знание <...> Рабоче-крестьянская республика должна широко распахнуть двери университета перед своей молодежью, создать свою истинно демократическую рабоче-крестьянскую интеллигенцию на месте того “интеллигентского” мещанства, которое такой лютой ненавистью ненавидит теперь правительство рабочих и крестьян. 3) Демократизировать просвещение. Восставший народ имеет право на настоящую науку» [Покровский, 1967. С. 457].

¹⁴ Интересно при этом, что квалификация какого-либо человека как «врага» в рамках советского университета вовсе не является необратимой, а напротив, допускает чудесное «исцеление» или «искупление» при наличии, разумеется, засвидетельствованного покаяния. Рассмотрим это на примере личного дела студента 4-го курса почвенно-географического факультета МГУ Александра Борисовича Подгаецкого [Архив МГУ. Ф. 22. Оп. 1. Ед. хр. 520. Д. 50]. Постановлением производственно-товарищеского суда почвенно-географического факультета от 9.04. 1933 г. [Там же. Л. 25] А.Б. Подгаецкий был исключен из университета «как чуждый и разложившийся, порочащий своим поведением звание студента советского вуза, без права поступления в вузы СССР сроком на 5 лет». Причиной исключения послужило то, что Подгаецкий, среди прочего, «распространял антисоветские разговоры о положении в колхозах и восхвалял положение в САСШ». Однако уже в сентябре следующего года Подгаецкий обращается с заявлением [Там же. Л. 23] в дирекцию МГУ, где просит допустить его «к выполнению дипломной работы в университетских условиях», указывая при этом, что он «реабилитировал себя на производстве, работая в течение 14 месяцев на Челябинском тракторном заводе (кузнечный) в должности экономиста, и, не скрывая своего поступка в вузе, заслужил всеобщее уважение на работе и в цехе». К заявлению прилагаются справки от общественных организаций ЧТЗ и администрации завода. Очищение пройдено — и Подгаецкий допускается к выполнению дипломной работы, которую он защитил 23.05.1935 г. [Там же, Л. 10]. Есть основания полагать, что это был не единственный случай. См. например, личное дело студента физического факультета МГУ в 1927–1932 гг. О.В. Грехова [Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 14. Ед. хр. 335].

¹⁵ Именно на этих выборах в состав АН СССР вошли среди прочих Т.Д. Лысенко (он также стал членом Президиума АН) и цитируемый ниже Н.В. Цицин.

руководящее научное учреждение страны. От советского ученого деятеля передовой науки требуется оригинальность и самостоятельность научной работы, ее высокая ценность, ее важность для социалистического строительства, для советского народа¹⁶.

Как видим, риторика «социалистического строительства» обнаруживает заметную устойчивость. Вполне очевидно, что сходные требования предъявлялись не только к академической, но и к университетской науке¹⁷. Однако основанием этой устойчивости служила не столько действительная практическая ценность научных разработок, сколько взаимная готовность государственного руководства и коллективов вузов поддерживать дискурсивный изоморфизм тех моделей, на основании которых строилась коммуникация между властью и университетом. Иначе говоря, специфический набор языковых компетенций, демонстрируемый представителями науки и образования, становился необходимым и достаточным условием встраивания университета в советскую систему. Овладение языком, описывающим науку в терминах тотальной мобилизации для нужд плановой экономики, и готовность к его постоянному использованию можно считать главным результатом государственной образовательной политики 1920-х и 1930-х годов. Более того, из этой перспективы она приобретает гораздо большее внутреннее единство и связность.

Политика коммуникации

Резолюция пленума ЦК ВКП (б) «Об улучшении подготовки новых специалистов» от 12 июля 1928 г. описывала положение в высшем образовании СССР следующим образом:

Система подготовки специалистов органически не увязана с промышленностью и не приспособлена к требованиям и темпу ее развития. В этой системе не обеспечено молодым специалистам усвоение новейших достижений нашей и иностранной науки и техники. Совершенно недостаточные наличные кадры преподавателей и профессоров нередко сами не стоят на уровне этих достижений [Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам, 1957. С. 845].

В резолюции намечались и основные меры по преодолению кризисной ситуации:

<...> значительно расширить кадры преподавателей и профессоров, целиком, без совместительства, занятых научной и преподавательской работой и систематически повышающих свою научную квалификацию, обеспечив печатание их научных трудов, заграничные командировки и т.п. <...> привлечь к чтению лекций крупных

¹⁶ Редакционная статья // Правда. 1939. 16 января.

¹⁷ Так, например, А.Я. Вышинский, в 1925–1928 гг. ректор МГУ, в статье «Задачи культурного строительства» требовал от вузов внедрения «углубленной производственной специализации» [Известия. 1930. 10 сентября].

иностранных специалистов <...> сделать для студентов вузов обязательным знание по крайней мере одного из иностранных языков [Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам, 1957. С. 847].

Насколько успешны были эти мероприятия? Реализовывались ли они вообще? Вероятно, вопросы такого рода не были первоочередными для авторов данного документа. Пролетаризованная студенческая масса попросту была не в состоянии осваивать «один из иностранных языков», поскольку едва владела русским¹⁸. Регулярно повторявшаяся критика состояния университетов приобретала сугубо ритуальную форму. Но было бы большой ошибкой утверждать, что в данном случае, как и во всех подобных, мы имеем дело с сокрытием или незнанием положения дел. Скорее следует вести речь о создании при помощи языковых средств особой конфигурации бюрократического контроля над университетом, не совпадающего буквально с непосредственным ростом воздействия советского государства на происходящее в системе высшего образования¹⁹. Управляемость университета становится непосредственно зависящей от стирания границы между словесными декларациями и «реальными» намерениями: декларация опережающим образом «исполняет» намерение, одновременно откладывая на неопределенный срок его реальное выполнение.

Критика недостаточной связи университета с практикой оказывается при этом своего рода точкой входа или, пользуясь актуальной для истории советского университета военной терминологией, плацдармом, с которого партийно-государственная бюрократия постепенно втягивает университет в игру по своим коммуникативным правилам. Политика, будучи как бы невидимой в университете, заслоненной требованиями укреплять связь науки и преподавания с производством, в действительности становится материей научно-образовательного процесса. Постепенная инфильтрация политического хорошо чувствуется в образцах многочисленных форм и анкет, заполнение которых постепенно становится одним

¹⁸ «При проверке документов, представленных и заполненных студентами (дипломные, письменные работы, анкеты, заявления и пр.) установлено, что имеет место на всех факультетах и курсах неграмотность значительной части студенчества по русскому языку» (Приказ № 1 по МГУ им. М.Н. Покровского от 3.01.1936 г.) [Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Ед. хр. 19. Л. 1]. Однако, будучи произнесен устами самих студентов в адрес представителей национальных меньшинств, упрек в неграмотности немедленно трактовался как «шовинизм» и «грубая политическая ошибка». Именно так определяет приказ № 28 по МГУ от 9.02.1932 г. действия студентки 1-го курса физического отделения Галины Пойда, которая, согласно тексту приказа, заявила своей однокурснице-осетинке следующее: «Научись говорить по-русски, а потом говори со мной» [Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Ед. хр. 8. Л. 95].

¹⁹ Здесь и далее я следую логике, развитой Джеймсом Фергюсоном в его анализе дискурса так называемых программ развития в Лесото [Ferguson, 2006. P. 270–283].

из главных видов академической деятельности для всех членов университета, от студента до декана факультета²⁰.

Политическая среда (или среда политического), в которой существовали советские ученые, подчас с удивительной ясностью обнаруживалась в их публичных выступлениях:

В нашей стране, товарищи, не может быть науки вне политики. Каждое решение партии и правительства должно стать боевой программой работы науки. Только в тесном контакте науки с производством мы сможем сделать такие чудеса, о которых мы имеем пока лишь смутное представление²¹.

Государство становится уже не только и не столько участником или посредником научно-образовательной деятельности, а способом — единственным способом — осуществления этой деятельности. Иначе говоря, советский университет становится местом, где государством делается все и все делается государством. Важно еще раз подчеркнуть, что речь идет не просто о зависимости университета от органов государственного управления, а именно о сращивании университета и бюрократической власти. Университет не взаимодействует с государством от собственного лица, а непосредственно участвует в (риторическом) конструировании государства как универсальной фигуры/фона того, что происходит в учебных аудиториях и научных лабораториях. Тема автономии науки и образования утрачивает при этом всякий смысл, поскольку государство не является отныне *внешним* агентом, стесняющим свободу научного и образовательного поиска. «Забота» государства о науке поэтому уже не рассматривается как принудительная посторонняя опека:

²⁰ Так, например, приказ № 38 по МГУ от 23.02.1932 г. предписывает составить характеристики «на весь состав студенчества» по форме, состоящей из следующих пунктов: «1. Общие показатели (социально-политические, происхождение, стаж, партийность). 2. Общественная работа (до поступления в Университет). 3. Качественная характеристика общественной работы в настоящее время (в вузе и вне вуза). 4. Академическая успеваемость. 5. Участие в социалистическом соревновании, ударничестве, бригадной работе. 6. В частности, успеваемость по общественно-политическим дисциплинам и отношение к ним. 7. Отношение к пролетарской части студенчества. 8. Борьба с реакционной, чуждой профессурой и идеологически чуждым студенчеством. 9. Борьба на два фронта и за партийность в науке. Какие имел политически чуждые выступления. 10. С каких работ был снят по линии общественной как не справившийся и какие получил взыскания по административной линии и по линии общественных организаций. 11. Были ли перерывы в занятиях, исключался ли из вуза, по каким причинам, был ли в других вузах и каких» [Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Ед. хр. 8 Л. 108].

²¹ Речь Н.В. Цицина, в 1933–1938 гг. директора Сибирского научно-исследовательского института сельского хозяйства в г. Омске, академика ВАСХНИЛ (1938) и АН СССР (1939), с 1945 г. директора Главного ботанического сада АН СССР, на Совещании передовиков урожайности по зерну, трактористов и машинистов молотилок с руководителями партии и правительства (Правда. 1936. 1 января).

Скажите, где, в какой стране науке уделяется столько внимания и заботы, как у нас? Советская наука раскрепощена, и ей предоставлены неограниченные возможности творческой работы. Этим мы обязаны прежде всего партии пролетариата²².

Стабилизация системы высшего образования, произошедшая во второй половине 1930-х годов, может создать впечатление реставрации значительной части дореволюционных университетских порядков²³. Это впечатление усиливается, если отдать себе отчет в радикализме планов реорганизации университетского образования, которые обсуждались и осуществлялись незадолго до этого, в начале 1930-х:

Вся высшая школа в целом и техническая школа в особенности проходят через полосу глубокой реорганизации. Задача реорганизации заключается в том, чтобы на месте старых, средневековых университетов и расплывчатых лжеполитехникумов создать такого рода учебные заведения, которые могли бы готовить красных специалистов из людей рабочего класса в полном соответствии с системой и потребностями социалистического хозяйства²⁴.

Тем не менее реорганизация была вполне успешной, и именно потому, что не дала в итоге никаких *видимых* результатов. Сложное взаимодействие правительственного регулирования с локальными практиками привело к возвратному усилению присущего университетам консерватизма, сделав объектом охранения новую идеологическую начинку, или, точнее, способ самопонимания университета как «фабрики кадров»²⁵ для советского государства. Вопросы о том, для чего и как производятся эти кадры, уже не являются уместными, точнее, они получают имплицитный ответ в рамках логики тотальной мобилизации.

«Идейная диктатура», о которой еще в начале 1920-х годов говорил заместитель наркома просвещения М. Н. Покровский [Покровский, 1967. С. 470; Купайгородская, 2002. С. 198–215], осуществилась, не встретив серьезного сопротивления, в форме некритического принятия структуры и последовательности описания университета как участника «социалистического строительства», выполняющего важную государственную задачу. Проблема не в том, насколько истинна или ложна такая логика. Проблема

²² Речь Н. В. Цицина на Совещании передовиков урожайности по зерну, трактористов и машинистов молотилок с руководителями партии и правительства (Правда. 1936. 1 января).

²³ Тонкий знаток истории науки и образования А. Е. Иванов заканчивает свое фундаментальное исследование системы научной аттестации в Российской империи следующим утверждением: «Советская власть не создала нового способа научной аттестации» [Иванов, 1994. С. 190].

²⁴ Петровский Д. Рождение отраслевых вузов // Известия. 1930. 7 июля.

²⁵ Приказ № 57 по МГУ от 4.04.1932 г. [Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Ед. хр. 11. Л. 180].

в том, что она становится границей, отделяющей единственно возможный способ самосознания университетского разума от всех остальных — заранее исключенных.

Спротивление господству этой логики было уделом одиночек, замкнутых в пределах страниц собственного дневника:

Из разговоров здесь [в санатории АН СССР «Узкое». — П. С.] виден полный развал высшей школы и отсутствие ясного и определенного плана ее восстановления. В общем, и двадцать-тридцать лет тому назад была та же неразбериха, но тогда можно было идти идейно — сейчас эта сторона почти невозможна и вопрос радикально не может быть поставлен. А между тем никакого иного решения нет, свобода исканий и значительно больше автономии. Половинчатое решение без широкой базы свободы не приведет ни к чему. Жизнь заставит вернуться на этот путь [Вернадский, 2002. С. 98].

Увы, «свобода исканий» и «больше автономии» не смогли бы помочь. Они были негодными рецептами уже в 1936 г., когда Вернадский писал эти строки. Апелляция к университетской автономии оказывается провальной не только с политической, но и с герменевтической точки зрения, поскольку ей нет места во вновь сложившейся дискурсивной матрице. Советский университет не являлся просто пешкой в идеологической игре каких-то внешних могущественных сил. Советский университет сам стал идеологией, хорошо видимой извне и неразличимой изнутри. Он стал «фабрикой», а его факультеты — «большими учебными комбинатами»²⁶. Он стал своим собственным будущим: огромным коллективом ученых²⁷, бьющихся над проблемами фундаментальной науки по заранее определенному плану:

В наше — советское — время работа по зоологии происходит совершенно в других условиях, чем раньше. Во-первых, во все работы вносится плановость, и они увязываются с задачами социалистического строительства <...> Зоологи Московского университета употребляют все усилия, чтобы выполнить указания тов. Сталина: «Перед нами стоит крепость. Называется эта крепость наукой с ее многочисленными отраслями знания. Эту крепость должна взять молодежь, если она хочет быть строителем новой жизни, если она хочет действительно стать сменой старой гвардии». И эту крепость московские зоологи осаждают с разных сторон ударными темпами²⁸.

²⁶ Московский университет. 1939. 14 мая.

²⁷ Об интернациональном значении связки между будущим и коллективностью см.: [Гумбрехт, 2005. С. 335 и далее].

²⁸ Кулагин Н. М. (в 1925–1940 гг. заведующий кафедрой энтомологии биологического факультета МГУ). Работы по зоологии в Московском университете (машинописный текст не датирован, хранится вместе с материалами 1939 г.) / Материалы к изданию сборника, посвященного 175-летию МГУ. Архив МГУ. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 36.

Но кто же защищал крепость науки от советских ученых?

Изучение трансформаций отечественной образовательной системы на всех этапах ее развития заслуженно вызывает возрастающий теоретический и практический интерес²⁹. Неоспоримо центральное положение в ней университетов. Текущее положение дел, характеризующееся слабостью коллективных форм самоорганизации в академической сфере, очень трудно понять и объяснить без внимательного изучения исторического контекста. Можно уверенно предположить, что слабость саморефлексии и пассивность, отличающие представителей российской высшей школы в настоящий момент, отражают последствия демобилизации научно-образовательной элиты, произошедшей после краха советского научно-образовательного проекта.

Попытка реставрировать руины этого проекта, апеллируя к либеральному идеалу академической свободы, выглядит и действительно является антиисторичной утопией. Постсоветские университеты в целом и университеты России в частности находятся сейчас в процессе очередного изобретения себя. И именно знание истории должно стимулировать всех, кто всерьез занимается университетским вопросом, к тому, чтобы осознать необходимость радикального размежевания с традицией. Следует увидеть не только локальное, но и мировое измерение кризиса университетов, связанное с тем, что «ставки университетской деятельности больше неидеологичны по своей сути, так как теперь они не связаны с самовоспроизводством национального государства» [Ридингс, 2010. С. 30].

Внутренняя связь университета и государства постепенно разрушается на наших глазах. Возникающую дискурсивную лауну стремительно заполняют мифы различного происхождения, активно эксплуатирующие идеализированное представление об устройстве и деятельности высших учебных заведений России до и после октября 1917 г. При этом само существование академического сообщества до сих пор остается возвышенной иллюзией или недостижимым образцом, вместо того чтобы стать действенной системой публичных практик. Решающий шаг в осмыслении реальных проблем современной университетской среды будет сделан тогда, когда произойдет переход от психологизирующих описаний отдельных личностей к анализу типичных форм (само)организации научного сообщества в его прошлом и настоящем в их политической, социально-экономической, культурной обусловленности, к социологии академического пространства.

Пора признать, что определенная стратегия осмысления сущности университета исчерпала себя. Не будет ли борьба

К герменев-
тике постсо-
ветского уни-
верситета

²⁹ См. например: [Андреев, 2009; Вишленкова, 2003; Кулакова, 2006; Никс, 2008; Петров, 2002–2003]. Все перечисленные работы в большей или меньшей степени не свободны от идеализации российских университетов и членов университетской корпорации.

за сохранение status quo только маскировкой отсутствия подлинного университетского (само)сознания? Вопрос «почему университет?», «зачем университет?» не имеет сейчас очевидного ответа. Это не означает, что мы в принципе лишены возможности дать на него какой-либо ответ. Но такой ответ может быть дан только в движении вперед, только в поиске новых форм существования университета.

Литература

1. Архив МГУ. Фонд 1 — канцелярия ректората МГУ.
2. Архив МГУ. Фонд 22 — канцелярия почвенно-географического факультета МГУ.
3. Архив МГУ. Фонд 25 — канцелярия биологического факультета МГУ.
4. Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX в. в контексте университетской истории Европы. М., 2009.
5. Беренд Л.-Д. Институт красной профессуры: «кузница кадров» советской партийной интеллигенции (1921–1938) // За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки. / под ред. М. Хайнеманна, Э. И. Колчинского. СПб., 2002. С. 166–197.
6. Вернадский В. И. Дневники 1935–1941 гг. В 2 кн. Кн. 1. 1935–38 гг. М., 2002.
7. Вишленкова Е. А. Казанский университет Александровской эпохи. Казань, 2003.
8. Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005.
9. Гумбрехт Х. У. В 1926: на острие времени. М., 2005.
10. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1: 1917–1928 гг. М., 1957.
11. Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М., 2007.
12. Зернов В. Д. Записки русского интеллигента. М., 2005.
13. Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи: XVIII в. — 1917 г. М., 1994.
14. Киевский университет. Документы и материалы. 1834–1984. К., 1984.
15. Кулакова И. П. Университетское пространство и его обитатели. М., 2006.
16. Купайгородская А. П. Становление коммунистической партийной регламентации деятельности Петроградского (Ленинградского) университета // За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки / под ред. М. Хайнеманна, Э. И. Колчинского. СПб., 2002. С. 198–215.
17. Луначарский А. В. О воспитании и образовании. М., 1976.
18. Никс Н. Н. Московская профессура во второй половине XIX — начале XX в. М., 2008.
19. Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. М., 2009.

20. Организация науки в первые годы советской власти (1917–1925): сб. докл. Л., 1968.
21. Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1–4. М., 2002–2003.
22. Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967.
23. Ридингс Б. Университет в руинах. М., 2010.
24. Хархордин О. В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб., М., 2002.
25. Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы. М., 1988.
26. Ferguson J. (2006) The anti-politics machine / Sharma A., Gupta A. (eds) The anthropology of the state: A reader. Oxford. P. 270–283.